

1846
846

Словъ Гриммъ и Гриммъ

оу адвоката

5. IV. 97.

Д. Д. ГРИММЪ.

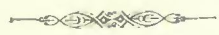

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

и

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Апрель 1897 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1897.

прав. 1948?
1956

Д. Д. ГРИММЪ

ПРОВЕРЕНО
20/10/56

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

и

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО.

Изъ Журнала Министерства Юстиции
(Апрель 1897 г.)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1897.

Спечатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО.

Д. Д. Гримма.

I.

Господствовавшее до послѣдняго времени ученіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ покоится на фундаментѣ, заложенномъ еще школой естественнаго права.

Исходное положеніе этой школы по данному вопросу заключается въ томъ, что въ естественномъ, догосударственномъ состояніи каждый пользуется безграничной свободой, можетъ совершать все, что ему вздумается и на что хватаетъ силъ, словомъ, его воля не стѣснена ничѣмъ, не знаетъ никакихъ преградъ. Разногласіе между отдѣльными представителями этого направленія начинается лишь съ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли эту принципиально безграничную свободу дѣйствій, это необузданное господство индивидуальной воли разсматривать какъ субъективное право индивида, такъ что первоначально каждый имѣетъ столько права, сколько силы, или же такая безграничная свобода сама по себѣ есть произволь и настоящая свобода, свобода въ смыслѣ права, есть лишь та, которая согласуется съ требованіями разума. Въ литературѣ естественнаго права встрѣчаются защитники какъ того, такъ и другаго взгляда. Но какъ бы ни разрѣшался этотъ вопросъ, все опять сходились въ томъ, что именно эта необузданная, первоначальная свобода каждаго, приводя къ постояннымъ коллизіямъ, должна

Жур. Мин. Юст. Апрель 1897.

была побудить людей стремиться къ организованному общенію, начало которому было положено общественнымъ договоромъ. На основаніи его возникаетъ государство, которое по ученію позднѣйшихъ раціоналистовъ права представляетъ собою союзъ для принудительнаго осуществленія идеи равной свободы всѣхъ.

Въ государствѣ первоначальная безграничная свобода каждаго подвергается большому или меньшему ограниченію въ интересахъ его согражданъ. Ближе это понимается такъ, что каждому отмежевывается извѣстная сфера свободы, въ предѣлахъ которой его личная автономія, его воля по прежнему ничѣмъ не стѣснена.

Эта-то сфера свободы, отведенная каждому, и составляетъ его субъективное право въ государственномъ состояніи.

Итакъ, индивидуумъ и его личная воля составляютъ первичный, творческій факторъ въ правѣ. Со вступленіемъ въ государственное состояніе это свободное творчество подвергается ограниченіямъ, ему указываются извѣстныя границы, но въ этихъ предѣлахъ оно сохраняетъ прежнюю силу и значеніе.

Историческая школа права въ лицѣ первыхъ своихъ представителей въ общемъ сохранила эту схему. Ея первые удары были направлены противъ раціоналистическаго ученія объ объективномъ правѣ. Савиньи и его послѣдователи доказывали, что положительное объективное право не есть результатъ личной воли законодателя и, какъ таковой, — агрегатъ случайныхъ законоположеній, а составляетъ органическій продуктъ народнаго духа, который не поддается произвольной ломкѣ, не терпитъ произвольнаго насажденія чуждыхъ ему элементовъ.

Но уязвимо если признать за народнымъ духомъ значеніе источника права, то нельзя остановиться на этомъ. На такомъ же основаніи его можно назвать источникомъ религіи, искусства и т. д. Какъ же провести демаркаціонную линію между всѣми этими проявленіями народнаго духа, въ чемъ усмотрѣть спеціальныя источники права, какъ одного изъ проявленій народнаго духа? Отвѣтъ, который даютъ на это первые представители исторической школы, займетвованъ у современныхъ имъ философскихъ системъ Шеллинга и Гегеля. Народный духъ

въ области права проявляется въ видѣ общей воли. Объективное право есть общая воля, говорятъ они.

Отсюда, какъ логическое послѣдствіе, вытекаетъ извѣстная квалификація субъективнаго права: субъективное право есть признанное объективнымъ правомъ конкретное господство частной, индивидуальной воли.

Этимъ мы въ систематическомъ отношеніи возвратились къ той постановкѣ вопроса, которую мы встрѣтили уже у представителей естественной школы.

Но сходство во взглядахъ на субъективное право не ограничивается сказаннымъ. Оно заходитъ гораздо глубже, какъ это явствуетъ изъ тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ квалификаціи субъективнаго права, какъ господства воли.

Важнѣйшій изъ этихъ выводовъ заключается въ признаніи за индивидуальной волей значенія творческаго элемента въ правѣ, въ частности въ гражданскомъ правѣ, съ которымъ только и считались первые представители исторической школы. Правда, это творчество не вполнѣ свободно; оно объективнымъ правомъ заранѣе поставлено въ извѣстныя границы. Но въ этихъ предѣлахъ оно проявляется вполнѣ безпрепятственно, притомъ въ двойномъ направленіи.

Съ одной стороны, господствующая въ формѣ субъективнаго права частная воля сковываетъ въ соотвѣтственной степени волю третьихъ лицъ, подчиняетъ ее себѣ, связываетъ ее. Иначе говоря, субъективное право, какъ таковое, порождаетъ соотвѣтствующія обязанности третьихъ лицъ и тѣмъ самымъ устанавливаетъ юридическія отношенія между даннымъ лицомъ и другими лицами. Слѣдовательно, въ юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ между людьми, первичнымъ факторомъ является субъективное право или активная сторона юридическаго отношенія; соотвѣтствующая же праву обязанность или пассивная сторона отношенія и самое отношеніе суть лишь производные факторы. Отсюда такое дальнѣйшее послѣдствіе: разъ самостоятельное значеніе имѣетъ только субъективное право, а не юридическое отношеніе въ цѣломъ, то послѣднее незамѣтно сливается съ первымъ, поглощается имъ. И дѣйствительно, то, что, напр., Савиньи или

Пухта называютъ юридическимъ отношеніемъ, на самомъ дѣлѣ есть только комплексъ субъективныхъ правъ. Такъ, Савиньи ¹⁾, констатировавъ сначала, что субъективное право есть только одна сторона юридическаго отношенія, затѣмъ опредѣляетъ юридическое отношеніе какъ сферу независимаго господства индивидуальной воли, т. е. отождествляетъ его съ субъективнымъ правомъ, а Пухта даже говоритъ, что гражданское право слѣдуетъ понимать и изучать не какъ систему объективнаго гражданскаго права, а какъ систему субъективныхъ гражданскихъ правъ.

Это одна сторона вопроса. Но творческая сила индивидуальной воли не ограничивается тѣмъ, что воля въ формѣ субъективнаго права порождаетъ корреспондирующія этому праву обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ юридическія отношенія.

Она сверхъ того при посредствѣ юридическихъ дѣлокъ можетъ создавать новыя права, видоизмѣнять и прекращать существующія права. Въ этомъ смыслѣ юридическая дѣлка есть высшая, квалифицированная форма творчества индивидуальной воли ²⁾. Ближе дѣлка характеризуется какъ частное волеизъявленіе, направленное на *созданіе* (*Hervorbringung*) юридическихъ послѣдствій. „Юридическая дѣлка,—говоритъ, напр., Брунс ³⁾,—есть волеизъявленіе, воля непосредственно, какъ таковая, создаетъ себѣ свое право и составляетъ основаніе, по которому законъ соединяетъ юридическія послѣдствія съ дѣлкой“. Роль объективнаго права съ этой точки зрѣнія сводится слѣдовательно къ тому, что оно допускаетъ наступленіе юридическихъ послѣдствій, руководствуясь тѣмъ, что ихъ добиваются, ихъ желаютъ заинтересованныя лица.

Таковы основныя положенія ученія о субъективномъ правѣ, установленныя первыми представителями исторической школы

---

¹⁾ System des h. röm. Rechts, т. I, стр. 334.

²⁾ Ср. напр. Windscheid—Lehrbuch der Pandekten, 7 изд., т. I, § 69, стр. 167 пр. 1^a: „юридическая дѣлка есть проявленіе принадлежащей частной волѣ въ области права творческой силы. Личность повелѣваетъ, и право усваиваетъ себѣ—*eignet sich an*—ея пелѣніе (подъ условіемъ—*vorbehaltlich*—*causae cognitio*)“.
Ср. также Ihering—Geist des römischen Rechts, 2 изд., т. III, стр. 132.

³⁾ Bruns—Nachgelassene Pandektenfragmente въ kl. Schriften, т. II, стр. 453, 473.

и свято хранимыя правовѣрными послѣдователями ихъ. Ни одно изъ этихъ положеній въ настоящее время не можетъ уже считаться внѣ спора. Сомнѣнія и вопросы, порожденные ими, могутъ быть сведены къ тремъ группамъ.

1) Дѣйствительно ли субъективное право можетъ быть разсматриваемо какъ господство воли? Если да, то не слѣдуетъ ли во всякомъ случаѣ точнѣе опредѣлить смыслъ этой квалификаціи? Если нѣтъ, то какимъ болѣе удачнымъ опредѣленіемъ можно замѣнить его?

2) Дѣйствительно ли субъективное право есть первичный факторъ, а корреспондирующія ему обязанности и самое юридическое отношеніе въ цѣломъ его производныя? Если нѣтъ, то въ чемъ слѣдуетъ усмотрѣть первичный факторъ и въ чемъ въ частности заключается сущность юридическаго отношенія?

3) Дѣйствительно ли индивидуальная воля, облакаясь въ форму юридической сдѣлки, обладаетъ творческой силой, порождаетъ конкретныя права и обязанности? Если нѣтъ, то въ чемъ заключается сущность и юридическое значеніе сдѣлокъ?

Мы не имѣемъ, конечно, возможности представить въ журнальной статьѣ полную и исчерпывающую картину движенія юридической мысли по указаннымъ вопросамъ. Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы намѣтить наиболѣе существенныя моменты этого процесса, отнюдь еще не законченнаго, и обосновать нашъ собственный взглядъ на затронутыя проблемы. Мы начнемъ съ наиболѣе частнаго вопроса, съ вопроса о сущности юридической сдѣлки.

II.

Мы видѣли, что по ученію Савиньи и его послѣдователей юридическая сдѣлка есть форма, въ которой въ границахъ, установленныхъ объективнымъ правомъ, проявляется творческая сила индивидуальной воли. Съ этой точки зрѣнія юридическая сдѣлка есть частное волелзъявленіе, направленное на наступленіе желательныхъ для лица, волимыхъ имъ юридическихъ послѣдствій. Объективное право въ этихъ случаяхъ подчиняется, такъ сказать, выраженной въ сдѣлкѣ волѣ

заинтересованных лиц и допускает наступление юридических послѣдствій именно въ виду того, что данное лицо или данные лица, участвующія въ сдѣлкѣ, желаютъ этого.

Противъ такого взгляда на юридическую сдѣлку возсталъ цѣлый рядъ ученыхъ (Шлосманъ, Ленель, Колеръ, Бехманъ, Тонъ и др.).

Важнѣйшія соображенія, приводимыя ими въ опроверженіе господствующей теоріи, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ.

Во-первыхъ, стороны, вступая въ сдѣлку, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не отдають себѣ яснаго отчета о юридическихъ послѣдствіяхъ ея и во всякомъ случаѣ желаютъ не ихъ, а наступленія извѣстнаго объективнаго фактическаго результата. Только этотъ фактическій результатъ, а не абстрактныя юридическія послѣдствія, связанныя съ нимъ, и преслѣдуются ими. Юридическія же послѣдствія, къ которымъ приводитъ сдѣлка, составляютъ продуктъ объективнаго права, а не индивидуальной воли заинтересованныхъ лицъ.

Во-вторыхъ, ошибочное представленіе о юридической сторонѣ сдѣлки само по себѣ не препятствуетъ вступленію ея въ силу, разъ имѣются на-лицо общія условія дѣйствительности сдѣлки. Такъ, напр., если я купилъ вещь у собственника вещи, считая его за несобственника, то вещь переходитъ въ мою собственность, хотя я этого послѣдствія и не могъ ожидать.

Въ-третьихъ, сдѣлка нерѣдко можетъ привести къ такимъ юридическимъ послѣдствіямъ, которыхъ заинтересованное лицо не только не имѣло въ виду, а которыя прямо идутъ въ разрѣзъ съ его желаніями. Такъ, напр., по нѣкоторымъ законодательствамъ наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги своего наслѣдодателя не только въ предѣлахъ наслѣдственнаго актива, но и собственнымъ своимъ имуществомъ. И конечно его отъ такой отвѣтственности не освобождаетъ то обстоятельство, что онъ, вступая въ права наслѣдства, не зналъ объ этомъ или не желалъ этого послѣдствія акта принятія наслѣдства.

Въ-четвертыхъ, бываютъ случаи, когда юридическая сдѣлка сохраняетъ полную силу, влечетъ за собою все связаннаго

съ нею юридическія послѣдствія, хотя-бы сторона вовсе не желала наступленія какихъ бы то ни было послѣдствій, какъ, напр., въ случаѣ т. н. *reservatio mentalis*.

Въ виду приведенныхъ соображеній названные ученые пришли къ убѣжденію, что невозможно признавать юридическую сдѣлку формой, въ которой выражается творческая сила индивидуальной воли, невозможно утверждать, что юридическія послѣдствія ея наступаютъ потому, что этого желаютъ заинтересованные лица.

Не субъективная воля конкретныхъ заинтересованныхъ лицъ, говорятъ эти ученые, а объективное право порождаетъ юридическія послѣдствія, связанные съ заключеніемъ той или иной сдѣлки. Нѣкоторые идутъ еще дальше. Индивидуальная воля не только не творитъ юридическихъ послѣдствій, она даже не является необходимымъ элементомъ фактическаго состава, который образуетъ данную сдѣлку и съ которымъ объективное право связываетъ опредѣленные послѣдствія. Рѣшающее значеніе, по крайней мѣрѣ при возмездныхъ договорахъ, имѣетъ не то, что лицо *желало*, а то, что оно *выразило* своими словами или дѣйствіями какъ свое желаніе, что противная сторона *должна была принять за желаніе* лица. Съ этими внѣшними признаками (словами или дѣйствіями), а не съ эффективной волей лица объективное право связываетъ тѣ или иныя послѣдствія.

Такимъ образомъ выдвигается новая проблема, которая сама по себѣ вовсе не связана съ вопросомъ о творческой силѣ воли въ сдѣлкѣ. Можно очевидно отрицать эту творческую силу и все-таки признавать волю, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, элементомъ фактическаго состава, образующаго сдѣлку. Къ сожалѣнію, этой простой истинѣ до сихъ поръ не хотятъ понять. Отсюда, съ одной стороны, совершенно бесплодные схоластическіе споры по вопросамъ, не имѣющимъ ровно никакого практическаго значенія, съ другой стороны— то, что дѣйствительно серьезныя проблемы остаются въ тѣни.

Въ самомъ дѣлѣ, что возражаютъ на приведенные аргументы современные сторонники господствующаго мнѣнія? Они, съ одной стороны, признаютъ, что, строго говоря, послѣдствія

юридическихъ сдѣлокъ, конечно, составляютъ продуктъ объективнаго права. Однако, говорятъ они, если послѣдствія сдѣлки и нормируются объективнымъ правомъ, то наступаютъ они все-таки въ данномъ конкретномъ случаѣ только потому, что того желаютъ заинтересованныя лица, и въ этомъ смыслѣ воля все-таки обладаетъ творческой силой. Вѣрно и то, что иногда съ заключеніемъ сдѣлки связаны нежелательныя для заинтересованныхъ лицъ послѣдствія; но это не исключаетъ существованія на-ряду съ ними и послѣдствій, которыхъ стороны желаютъ. Что касается засимъ случаевъ, когда юридическія послѣдствія сдѣлки наступаютъ несмотря на ошибочное представленіе о характерѣ ихъ или несмотря на отсутствіе воли у лица, то это случаи исключительныя, „патологическія“, которые не подрываютъ общаго правила.

Не трудно убѣдиться, что при такой постановкѣ вопроса прежде всего обѣ стороны приписываютъ объективному праву такую роль, которая ему совершенно несвойственна.

Нельзя сказать, что объективное право порождаетъ или создаетъ какія бы то ни было юридическія послѣдствія ¹⁾. Объективное право или дѣйствующая въ данной общественной средѣ совокупность юридическихъ нормъ очевидно ничего изъ себя создать не можетъ. Юридическія нормы служатъ лишь опытнымъ критеріемъ того, какія изъ бытовыхъ отношеній, среди которыхъ приходится вращаться членамъ даннаго общества, при какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ смыслѣ признаются нуждающимися въ юридической регламентаціи.

Какіе отсюда вытекаютъ выводы въ примѣненіи къ теоріи юридическихъ сдѣлокъ, объ этомъ рѣчь впереди. Пока же посмотримъ, что остается при ближайшемъ анализѣ отъ утвержденія представителей господствующаго взгляда, будто послѣдствія юридическихъ сдѣлокъ, не будучи непосредственно продуктомъ индивидуальной воли, въ данномъ конкретномъ случаѣ наступаютъ только потому, что этого желаютъ заинте-

---

¹⁾ Это не излишне подчеркнуть, такъ какъ обычная формулировка не есть простое образное выраженіе, а отраженіе неправильнаго взгляда на право, какъ на самостоятельную, реальную силу.

ресованныя лица и что въ этомъ смѣслѣ воля все-таки сохраняетъ значеніе творческаго элемента въ правѣ.

Не трудно убѣдиться, что это положеніе не имѣетъ ровно никакого практическаго, а одно только конструктивное значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто же не требуетъ, чтобы стороны въ случаѣ спора на судѣ доказывали, наступленія какихъ юридическихъ послѣдствій онѣ желали въ данномъ случаѣ, никто не ставитъ такое требованіе условіемъ дѣйствительности юридической сдѣлки. Напротивъ, стороны даже не обязаны ссылаться на нормы, подлежащія примѣненію въ данномъ случаѣ, ибо *jura novit curia*. А разъ это такъ, разъ *для дѣйствительности сдѣлки* не требуется даже знанія подлежащихъ примѣненію нормъ, то какое же практическое значеніе можетъ имѣть утвержденіе, что эти юридическія послѣдствія наступаютъ только потому, что того желаютъ стороны? Рѣшительно никакого. Въ смѣслѣ же конструктивнаго пріема это утвержденіе теоретически неправильно и практически ненужно.

Оно теоретически неправильно, ибо для того, чтобы желать чего-нибудь, нужно имѣть представленіе о желаемомъ, а для этого нужно знакомство съ нимъ. А стороны въ громадномъ большинствѣ случаевъ при заключеніи сдѣлокъ не только не знаютъ, какія спеціальныя юридическія послѣдствія связаны съ сдѣлкой, но часто не знаютъ даже, въ какой судъ въ случаѣ спора надо имъ обращаться и всѣмъ этимъ начинаютъ интересоваться лишь тогда, когда дѣло дойдетъ до спора.

Этимъ мы, конечно, нисколько не отрицаемъ ни того, что иногда стороны прекрасно знакомы съ юридическими послѣдствіями заключаемыхъ ими сдѣлокъ, ни того, что при прочихъ равныхъ условіяхъ такое знакомство даетъ заинтересованнымъ лицамъ возможность вѣрнѣе и лучше соблюсти ихъ интересъ. Но и въ такихъ случаяхъ нельзя говорить о томъ, что стороны желаютъ наступленія тѣхъ или иныхъ юридическихъ послѣдствій: онѣ только пользуются своимъ знаніемъ этихъ послѣдствій, чтобы вѣрнѣе достигнуть того

практическаго результата, который при данныхъ условіяхъ представляется для нихъ наиболѣе желательнымъ и цѣлесообразнымъ, отклоняя, напр. путемъ особыхъ оговорокъ, отвѣтственность за эвикцію, за скрытые недостатки вещи и т. п. Но это не все. Критикуемое нами утверженіе представляется не только теоретически неправильнымъ, но и практически безцѣльнымъ. Короче—это совершенно бесполезная фикція, ибо, какъ мы уже замѣтили, вопросъ о томъ, является ли воля заинтересованныхъ лицъ элементомъ фактическаго состава данной сдѣлки или нѣтъ, вовсе не обуславливается признаніемъ за этой волей творческой силы даже въ томъ условномъ смыслѣ, какой придается этому выраженію современными представителями господствующаго мнѣнія. Дѣйствительно, этотъ вопросъ въ своей практической постановкѣ касается исключительно фактической, а не юридической стороны сдѣлки. Мы не имѣемъ возможности входить въ ближайшее разсмотрѣніе его, такъ какъ это выходитъ за предѣлы интересующей насъ въ настоящей статьѣ проблемы. Замѣтимъ только, что мы принципиально стоимъ за утвердительное рѣшеніе его. Возводить въ принципъ положеніе, что при оцѣнкѣ силы и значенія юридическихъ сдѣлокъ важны не настоящія намѣренія заинтересованныхъ лицъ, а то, что они выразили своими словами или дѣйствіями какъ свои намѣренія, что противная сторона должна была принять за ихъ желанія, нѣтъ никакого основанія. При оцѣнкѣ этого положенія не слѣдуетъ упускать изъ виду, во-1-хъ, что мы о внутреннихъ импульсахъ другихъ лицъ вообще можемъ судить только по внѣшнему выраженію ихъ, и, во-2-хъ, что при нормальныхъ условіяхъ внутреннія желанія лица и внѣшнее выраженіе ихъ совпадаютъ. Отсюда естественно сложилась презумпція, что лицо въ данномъ конкретномъ случаѣ желало именно того, что оно выразило какъ свое желаніе. Но этимъ заинтересованное лицо само по себѣ не лишается возможности опровергнуть эту презумпцію, доказывая, что оно не желало того, что ему приписываютъ на основаніи его словъ или дѣйствій. Исключеніе изъ этого общаго правила можетъ быть допущено въ интересахъ оборота только

по особо уважительнымъ причинамъ, напр. если разладъ между внутреннимъ желаніемъ и внѣшнимъ выраженіемъ его касается лишь несущественнаго пункта, если онъ составляетъ плодъ *reservatio mentalis* или такъ называемаго неизвинительнаго заблужденія.

Подведемъ итоги. Мы видѣли, что ни о какой творческой силѣ индивидуальной воли въ примѣненіи къ юридическимъ сдѣлкамъ рѣчи быть не можетъ. Только вступленіе въ сдѣлку, самое совершеніе и фактическое содержаніе ея зависятъ отъ воли, отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ лицъ. Условія же дѣйствительности и юридическія послѣдствія сдѣлки отнюдь не составляютъ продукта индивидуальной воли этихъ лицъ. Нельзя поэтому опредѣлять юридическую сдѣлку какъ частное волеизъявленіе, направленное на созданіе юридическихъ послѣдствій, на установленіе, измѣненіе или прекращеніе субъективныхъ правъ.

Съ другой стороны нельзя, однако, квалифицировать юридическую сдѣлку и какъ продуктъ объективнаго права. Что же она въ такомъ случаѣ изъ себя представляетъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы вернемся къ тому замѣчанію, которое было сдѣлано нами выше объ истинномъ значеніи юридическихъ нормъ. Мы сказали, что юридическія нормы служатъ внѣшнимъ критеріемъ того, какія изъ бытовыхъ отношеній, среди которыхъ приходится вращаться членамъ даннаго общества, при какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ смыслѣ признаются нуждающимися въ юридической регламентаціи.

Такимъ образомъ, мы наталкиваемся на понятіе бытоваго отношенія, которое намъ и нужно утилизировать для теоріи юридическихъ сдѣлокъ. Подробный анализъ понятія бытоваго отношенія съ точки зрѣнія содержанія его будетъ данъ ниже. Пока замѣтимъ лишь слѣдующее.

Бытовые отношенія, общимъ образомъ, могутъ быть характеризованы какъ болѣе или менѣе сложныя спеціальныя отношенія сосуществованія, устанавливаемыя частью благодаря дѣятельности самихъ членовъ общества, частью независимо отъ таковой. Какъ спеціальныя отношенія сосуществованія, они

отличаются другъ отъ друга какъ по комбинаціи элементовъ, изъ которыхъ складывается ихъ содержаніе, такъ и по способамъ установленія, измѣненія и прекращенія ихъ.

Въ зависимости отъ наличности или отсутствія юридической регламентаціи бытовья отношенія могутъ быть подраздѣлены на отношенія, формально признаваемые *юридически-существенными* (или проще юридическія отношенія), и отношенія, формально признаваемые *юридически-безразличными*. Первые, въ свою очередь, въ зависимости отъ характера регламентаціи подраздѣляются на отношенія, формально признаваемые *общественно-цѣлесообразными*, и отношенія, формально признаваемые *общественно-вредными*.

Въ жизни одни изъ этихъ отношеній постоянно смѣняются другими. Но понятно, что юридическими нормами регулируются какъ съ точки зрѣнія содержанія, такъ и съ точки зрѣнія способовъ установленія, измѣненія и прекращенія ихъ, только отношенія, признаваемые юридически-существенными или юридическими.

Къ числу способовъ установленія, измѣненія и прекращенія юридическихъ отношеній принадлежатъ и юридическія сдѣлки. Общимъ образомъ онѣ могутъ быть характеризованы: съ точки зрѣнія содержанія—какъ распорядительные акты (въ противоположность актамъ пользованія и потребленія), съ точки зрѣнія достигаемаго ими результата—какъ акты, долженствующіе привести къ установленію, измѣненію или прекращенію отношеній, формально признаваемыхъ общественно-цѣлесообразными (въ противоположность деликтамъ).

Какъ всякій распорядительный актъ, сдѣлка предполагаетъ существованіе извѣстнаго бытоваго отношенія между заинтересованными лицами: дѣйствительно, въ опредѣленномъ отношенія сосуществованія между даннымъ лицомъ и другими лицами немыслимо совершеніе сдѣлки, а остается только абстрактная способность къ совершенію ея, другими словами, сдѣлка не только приводитъ къ установленію, измѣненію или прекращенію особо квалифицированныхъ бытовыхъ отношеній, но сама *служитъ выраженіемъ бытоваго отношенія*. Если это упускается изъ виду, то потому, что *соответствующее*

бытовое отношеніе само по себѣ можетъ быть юридически-безразличнымъ. Но изъ того, что данное бытовое отношеніе признается юридически-безразличнымъ, очевидно не слѣдуетъ, чтобы его не существовало вовсе. *Generatio aequivoca* немыслима и въ области права. Когда мы говоримъ, что юридическая сдѣлка можетъ привести къ *установленію* юридического отношенія, то это само по себѣ не значить, что данное отношеніе возникаетъ изъ ничего, а значить только, что юридически-безразличное бытовое отношеніе замѣняется юридически-существеннымъ.

Наоборотъ, когда сдѣлка приводитъ къ *прекращенію* юридического отношенія, то это само по себѣ значить, что юридически-существенное отношеніе замѣняется юридически-безразличнымъ. Возможно конечно и такъ, что прекращеніе одного юридически-существеннаго отношенія совпадаетъ съ установленіемъ другаго юридически-существеннаго отношенія (напр., квартирантъ покупаетъ у домохозяина домъ, въ которомъ жилъ по найму).

Въ виду этого установленіе и прекращеніе юридическихъ отношеній сводится вообще къ замѣнѣ отношеній одного типа — отношеніями другаго типа. Въ противоположность этому объ *измѣненіи* юридическихъ отношеній говорятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда данное отношеніе къ объекту сохраняется, но на-ряду съ нимъ возникаетъ встрѣчное отношеніе другаго лица или, наоборотъ, существующее встрѣчное отношеніе другаго лица отпадаетъ, т. е. замѣняется юридически-безразличнымъ отношеніемъ, напр. на-ряду съ правомъ собственности даннаго лица на вещь устанавливается сервитутное право въ пользу другаго лица, или, наоборотъ, такое сервитутное право уничтожается.

Все это, конечно, не составляетъ специфической особенности юридическихъ сдѣлокъ. Напротивъ, всякій распорядительный актъ предполагаетъ существованіе извѣстнаго бытоваго отношенія и направленъ на замѣну его другимъ бытовымъ отношеніемъ. Но именно потому, что это общая черта всѣхъ распорядительныхъ актовъ, на ней и нужно было остановиться прежде всего.

Что касается засимъ специфическихъ особенностей юридическихъ сдѣлокъ, то необходимо имѣть въ виду два пункта.

Прежде всего, юридическими сдѣлками въ техническомъ смыслѣ называются только *частноправные* распорядительные акты, т. е. акты, которые обсуждаются по началамъ гражданского права. Этими сдѣлки отличаются отъ распорядительныхъ актовъ публичнаго права.

Во-вторыхъ, юридическими сдѣлками въ техническомъ смыслѣ могутъ быть названы только такіе распорядительные акты, которые совершаются *между лицами*. Распорядительный актъ по отношенію къ вещи, напр. дереликція, приобретеніе владѣнія и т. п., не есть юридическая сдѣлка.

Въ этихъ предѣлахъ необходимо различать *юридическія сдѣлки въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ*.

Юридическая сдѣлка въ широкомъ смыслѣ есть всякій, совершаемый между данными лицами частноправный распорядительный актъ, направленный на замѣну существующаго между ними (непосредственно или относительно какого-нибудь внѣшняго блага) бытоваго отношенія—другимъ, которое съ точки зрѣнія *каждаго* изъ нихъ представляется *желательнымъ* какъ средство для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. При этомъ безразлична не только юридическая квалификація новаго отношенія, имѣющаго замѣнить прежнее, но безразлично и то, соотвѣтствуетъ ли новое отношеніе, устанавливаемое на основаніи распорядительнаго акта, истиннымъ намѣреніямъ и представленіямъ о немъ каждой изъ сторонъ порознь и обѣихъ вмѣстѣ. Въ этомъ широкомъ смыслѣ терминъ „юридическая сдѣлка“ употребляется напр., когда говорятъ о недѣйствительныхъ или безнравственныхъ сдѣлкахъ.

Для признанія даннаго распорядительнаго акта юридической сдѣлкой въ тѣсномъ смыслѣ сверхъ того требуется: во-1-хъ, чтобы новое отношеніе, устанавливаемое на основаніи распорядительнаго акта, формально признавалось общественно-цѣлесообразнымъ и, во-2-хъ, чтобы оно въ существенныхъ своихъ чертахъ соотвѣтствовало: а) въ однихъ случаяхъ истиннымъ намѣреніямъ и представленіямъ о немъ обѣихъ сторонъ—это норма для двустороннихъ сдѣлокъ; б)

въ другихъ случаяхъ—по крайней мѣрѣ истиннымъ намѣреніямъ и представленіямъ о немъ одной изъ сторонъ,—это норма для одностороннихъ сдѣлокъ и исключеніе, устанавливаемое для извѣстныхъ категорій двустороннихъ сдѣлокъ въ интересахъ оборота.

Имѣются ли на-лицо въ данномъ конкретномъ случаѣ эти два дополнительныхъ условія, или нѣтъ,—это рѣшаетъ судъ; внѣшнимъ критеріемъ для него служатъ соответствующія юридическія нормы.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. На-ряду съ установленіемъ новаго отношенія между непосредственно заинтересованными лицами юридическая сдѣлка можетъ привести и къ установленію новыхъ дополнительныхъ отношеній между однимъ изъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ и третьими лицами, напр. кредиторами. Имѣлись ли эти дополнительные отношенія въ виду при установленіи сдѣлки, или нѣтъ,—это само по себѣ не имѣетъ значенія при одѣлкѣ силы и значенія ея.

III.

Мы идемъ дальше. Параллельно съ измѣненіемъ взглядовъ на природу юридической сдѣлки и отчасти въ связи съ этимъ складывается новый взглядъ на природу юридическаго отношенія.

1) Мы видѣли, что первые представители исторической школы смотрѣли на субъективное право какъ на первичный факторъ, а на корреспондирующія ему обязанности и на возникающее въ результатѣ юридическое отношеніе какъ на производныя его, и вслѣдствіе этого пришли къ смѣшенію субъективнаго права съ юридическимъ отношеніемъ.

Любопытно, что и Иерингъ раздѣляетъ еще этотъ взглядъ, хотя онъ, какъ извѣстно, смотритъ на субъективное право не какъ на господство воли, а какъ на юридически защищенный интересъ. Несмотря на это, онъ вполне раздѣляетъ взглядъ своихъ противниковъ на договорную сферу индивидуаль-

ной воли въ гражданскомъ правѣ ¹⁾ и также какъ и они отождествляютъ субъективное право съ юридическимъ отноше-
ніемъ.

Особенно рѣзко это связывается въ статьѣ его о пассивномъ дѣйствиіи правъ ²⁾, гдѣ онъ прямо говоритъ, что всякое субъективное право (кромѣ такъ называемаго права личности) представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ юридическое отношеніе.

Однако выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ приведенной статьѣ, какъ разъ опровергаютъ его исходное положеніе и послужили сильнѣйшимъ толчкомъ къ реконструкціи понятія юридическаго отношенія.

Сущность этой знаменитой статьи можетъ быть резюмирована вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Каждое субъективное право порождаетъ, во-первыхъ, извѣстныя активныя послѣдствія въ пользу управомоченнаго лица, и, во-вторыхъ, — извѣстныя пассивныя послѣдствія, выражающіяся въ подчиненіи данному лицу какой-нибудь вещи или другаго лица.

Возникающее отсюда состояніе связанности вещи или лица или пассивная сторона права въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ временно существовать и помимо активной стороны права, либо въ смыслѣ *промежуточной* стадіи, въ виду временнаго отпаденія субъекта права, либо въ смыслѣ *подготовительной* стадіи въ процессѣ образованія права. Такъ, напр., по римскому праву наслѣдственная масса въ промежуточное время между смертью наслѣдодателя и принятіемъ наслѣдства со стороны наслѣдника не принадлежитъ никому, временно лишена субъекта. Тѣмъ не менѣе ее нельзя безнаказанно расхищать, она сохраняетъ значеніе самостоятельнаго цѣлага, предназначеннаго служить интересамъ будущаго хозяина, наслѣдника. Такъ, съ другой стороны, если кому-

---

¹⁾ Ср. взглядъ его на юридическую сдѣлку въ его Духѣ римскаго права, 2 изд., т. III, стр. 132, и его статью о рефлексивномъ дѣйствиіи правъ (*Jahrbücher für Dogmatik*, т. X, стр. 245 и сл.), гдѣ онъ говоритъ о рефлексѣхъ субъективнаго (а не объективнаго) права.

²⁾ *Jahrbücher für Dogmatik*, т. X, стр. 337 и сл. Къ взглядамъ Геринга примкнули Виндшейдъ, который говоритъ объ ослабленіи (*Abschwächung*) правъ, и Беккеръ, который упоминаетъ объ объективной связанности объекта правъ.

нибудь отказана какая-нибудь вещь подъ извѣстнымъ условіемъ, то до наступленія условія легатаріи не можетъ еще требовать выдачи вещи отъ наслѣдника, не имѣетъ еще права на нее. Однако наслѣдникъ все-таки связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ этой вещи, и если онъ въ промежуточное время продастъ или заложитъ ее третьему лицу, а затѣмъ условіе наступитъ, то всѣ подобныя акты по юстиніановскому, напр., праву признаются недѣйствительными и вещь становится свободной собственностью легатаріи.

Итакъ, существуютъ повидимому случаи, въ которыхъ обязанность возникаетъ раньше соответствующаго ей субъективнаго права или временно существуетъ помимо такового. Что же это значитъ? Иерингъ говоритъ въ этихъ случаяхъ о пассивномъ дѣйствіи правъ. Но правильно ли это? Допустивъ даже, что субъективное право вообще можетъ порождать юридическія послѣдствія, все-таки позволительно спросить, какимъ образомъ не возникшее еще право можетъ порождать таковыя, въ частности связывать другихъ лицъ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, допустить, разъ мы признаемъ фактъ существованія обязанностей при отсутствіи корреспондирующихъ имъ правъ, что не субъективное право порождаетъ обязанности, а что какъ конкретное право, такъ и соответствующая ему обязанность суть лишь различныя проявленія юридическаго отношенія, установленнаго объективнымъ правомъ?

Такъ именно въ настоящее время и ставится вопросъ большинствомъ ученыхъ.

Такъ, уже Унгеръ ¹⁾ говоритъ, что юридическія отношенія служатъ основой какъ правовыхъ нормъ, такъ и субъективныхъ правъ. И дальше: „право и обязанность составляютъ содержаніе регулированнаго объективнымъ правомъ отношенія; они не образуютъ этого отношенія, а *вытекаютъ* изъ него“ ²⁾.

Въ томъ же смыслѣ Регельсбергеръ ³⁾ опредѣляетъ юри-

---

¹⁾ System des österreichischen Privatrechts, 4 изд., т. I, стр. 211.

²⁾ Тамъ же, стр. 492.

³⁾ Pandekten, т. I, стр. 71.

Жур. Мин. Юст. Апрель 1897.

дическое отношеніе какъ признанное объективнымъ правомъ бытовое отношеніе.

Но наиболее рѣзко новый взглядъ на юридическое отношеніе формулированъ Пунчартомъ.

Въ своемъ изслѣдованіи „о фундаментальныхъ юридическихъ отношеніяхъ римскаго гражданскаго права“ онъ противопоставляетъ *субъективноправному* юридическому отношенію, т. е. юридическому отношенію, понимаемому какъ результатъ, какъ произведеніе субъективнаго права, понятіе *объективноправнаго* отношенія, т. е. отношенія, непосредственно созданнаго объективнымъ правомъ.

Ближе онъ формулируетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ.

Объективное право заранее устанавливаетъ, нормируетъ *in abstracto* извѣстныя соотношенія между отдѣльными лицами или между лицами и вещами. При наличности извѣстныхъ условій, извѣстнаго фактическаго состава эти абстрактно-регулируемыя юридическія отношенія прилагаются къ опредѣленнымъ лицамъ и вещамъ, вслѣдствіе чего абстрактныя объективноправныя отношенія переходятъ въ конкретныя объективноправныя отношенія; а это въ свою очередь приводитъ къ тому, что лица связываются между собою, одно подчиняется другому ¹⁾. Такъ, напр., объективное право *in abstracto* нормируетъ отношенія, вытекающія изъ купли-продажи. Разъ будетъ заключенъ конкретный договоръ купли-продажи, то это абстрактное объективноправное отношеніе для данныхъ лицъ, для даннаго покупателя и продавца переходитъ въ конкретное, и въ результатъ между ними возникаетъ взаимная связь.

Въ новомъ своемъ трудѣ, озаглавленномъ „Современная теорія гражданскаго права и ея коренные недостатки“, Пунчартъ замѣняетъ понятіе объективноправнаго юридическаго отношенія понятіемъ праваго сдѣланія или соединенія (*Rechtsverband*).

Въ силу приложенія юридическихъ нормъ къ опредѣлен-

---

¹⁾ Ук. соч., стр. 70.

нымъ лицамъ или вещамъ, говорить онъ, эти лица для опредѣленныхъ цѣлей связываются между собою и съ вещами. Въ результатѣ этого возникаютъ правовыя сцѣпленія или соединенія, которыя, будучи созданы для опредѣленныхъ цѣлей, суть вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлевыя соединенія (Zweckverbände).

Въ качествѣ прикладной юридической нормы правовое соединеніе обнимаетъ собою все отдѣльныя правоположенія, которыя должны найти примѣненіе для того, чтобы осуществилась цѣль или цѣли даннаго соединенія. А такъ какъ субъективныя права въ пользу опредѣленныхъ лицъ возникаютъ только изъ прикладныхъ юридическихъ нормъ (aus angewandten Rechtsnormen), то и они непосредственно вытекаютъ только изъ правовыхъ соединеній, изъ Rechtsverbände, а не изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы называемъ юридическими фактами или фактическими составами, каковыя только дѣлаютъ возможнымъ (vermitteln) примѣненіе юридическихъ нормъ.

Итакъ, понятіе правоваго соединенія есть основное понятіе, а понятіе субъективнаго права—выводное.

Таковы основныя положенія теоріи Пунчарта. Вкратцѣ они могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: юридическое отношеніе, именуемое имъ правовымъ соединеніемъ, всецѣло составляетъ продуктъ объективнаго права. Оно составляетъ *ближайшее* юридическое послѣдствіе, связанное съ наступленіемъ опредѣленной совокупности юридическихъ фактовъ, опредѣленнаго фактическаго состава. Изъ него въ качествѣ *дальнѣйшихъ* послѣдствій вытекаютъ отдѣльныя субъективныя права и обязанности, каковыя, являясь производными даннаго Rechtsverband'a, могутъ, но не должны непременно наступить одновременно.

Обращаясь къ критической оцѣнкѣ этой теоріи, нельзя не отмѣтить крайней искусственности ея. Исходя изъ отрицанія творческой силы субъективнаго права, порождающаго якобы корреспондирующія ему обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ юридическія отношенія, Пунчартъ впадаетъ въ противоположную крайность, приписывая творческую силу заразъ

---

¹⁾ Ук. соч., стр. 2.

и объективному праву, создающему *Rechtsverbänd*'ы, и самим правовым соединеніямъ, которыя у него приобрѣтаютъ характеръ какихъ-то самостоятельно существующихъ, реальныхъ величинъ, порождающихъ отдѣльныя субъективныя права и обязанности.

Словомъ, мы наталкиваемся здѣсь на ту же ошибку, которую мы отмѣтили уже при разсмотрѣніи теоріи юридическихъ сдѣлокъ. Оять приходится поэтому напоминать, что объективное право ничего изъ себя создать не можетъ, что оно служитъ только вышнимъ критеріемъ, по которому мы можемъ судить, какія изъ бытовыхъ отношеній, среди которыхъ приходится вращаться членамъ даннаго общества, признаются нуждающимися въ юридической регламентаціи и въ какомъ смыслѣ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что *юридическія отношенія суть формально признанныя общественно-цѣлесообразными или общественно-вредными и соответственно съ этимъ регулированныя при помощи юридическихъ нормъ бытовыя отношенія*. Имъ противопоставляются бытовыя отношенія, формально признаваемые *общественно-безразличными* и посему ненуждающимися въ юридической регламентаціи.

Таково общее опредѣленіе юридическаго отношенія. Намъ предстоитъ теперь ближе развить и обосновать его.

Но прежде чѣмъ сдѣлать это, мы должны отмѣтить, какъ вопросъ о ближайшемъ анализѣ юридическихъ отношеній ставится въ литературѣ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не замѣтить, что громадное большинство изслѣдователей считаетъ возможнымъ приступить къ ближайшему анализу юридическихъ отношеній безъ предварительнаго анализа соответствующихъ бытовыхъ отношеній и что юридическія отношенія отождествляются съ признанными общественно-цѣлесообразными, правомѣрными отношеніями, въ чемъ нельзя не усмотрѣть совершенно произвольнаго суженія задачи, ибо самое различіе между отношеніями правомѣрными и неправомѣрными чисто *относительное*. Въ практическомъ результатѣ неправильная постановка проблемы привела къ цѣлому ряду не-

правильныхъ выводовъ, въ особенности въ смыслѣ постоянного смѣшенія того, чего не *должно* быть, съ тѣмъ, чего не *можетъ* быть. Засимъ, въ частности, можно отмѣтить два главныхъ теченія. Одни ученые подраздѣляютъ юридическія отношенія на отношенія лицъ къ объектамъ и на отношенія между лицами ¹⁾.

Другіе говорятъ, что юридическія отношенія мыслимы только между лицами ²⁾.

Особнякомъ стоитъ проф. Муромцевъ ³⁾, который исходитъ изъ противоположенія отношеній защищаемыхъ и защищающихъ. Первые онъ называетъ правовыми, вторыя юридическими.

Что касается прежде всего послѣдней теоріи, то нельзя не замѣтить, что власть принятый проф. Муромцевымъ признакъ въ основаніе классификаціи юридическихъ отношеній неудобно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, различая отношенія защищаемыя и защищающія, мы этимъ характеризуемъ не данныя отношенія какъ таковыя, а отношеніе ихъ къ *другимъ* отношеніямъ. Во-вторыхъ, при такой постановкѣ вопроса легко придти къ смѣшенію *защищающаго* отношенія съ тѣмъ, что мы ниже называемъ *вспомогательнымъ* отношеніемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оба понятія слѣдуетъ строго отличать другъ отъ друга, ибо вспомогательныя отношенія входятъ въ составъ какъ защищаемыхъ отношеній (отношеній къ данному объекту), такъ и защищающихъ отношеній (отношеній къ суду и другимъ органамъ власти).

Обращаясь засимъ къ остальнымъ двумъ теоріямъ, нельзя не замѣтить, что споръ между ними въ сущности касается вопроса чисто *терминологическаго* свойства. Онъ сводится къ тому, слѣдуетъ ли *называть* юридическими отношеніями одни только отношенія между лицами или также отношенія

---

¹⁾ Представителями этого взгляда являются, напр., Регельсбергеръ, Иерингъ, Дернбургъ, Колеръ.

²⁾ Къ числу ихъ принадлежатъ, напр., Савиньи, Виндшейдъ, Тонъ, Бирлингъ, Коркуповъ. См. литературныя указанія у Regelsberger, Pandekten, т. 1, стр. 72 прим. 3.

³⁾ Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 75.

между лицами и иными объектами. По существу же никакого спора между представителями обоих направлений нет, ибо и те, и другие признают, что отношенія между лицами имѣютъ совсѣмъ иной характеръ, совсѣмъ иное юридическое значеніе, чѣмъ отношенія лицъ къ инымъ объектамъ, и что, въ частности, лица, точнѣе правоспособныя лица, какъ таковыя, не могутъ быть объектами, а только субъектами юридическихъ отношеній.

Не трудно однако убѣдиться, что въ такой общей формѣ это положеніе не можетъ быть признано правильнымъ. Вѣрно лишь то, что въ *современномъ правѣ* не допускаются, т. е. признаются общественно-вредными отношенія полного, безконтрольнаго подчиненія однихъ лицъ другимъ, тогда какъ для иного рода объектовъ подобныя отношенія допускаются. Но, во-первыхъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы подобныя отношенія были немыслимы; они возможны и въ настоящее время, напр., въ отношеніяхъ убійцы или разбойника къ ихъ жертвамъ; въ былое время они даже признавались общественно-цѣлесообразными, какъ о томъ свидѣлствуютъ институты рабства и крѣпостничества. Во-вторыхъ, изъ вышеуказаннаго положенія не слѣдуетъ также, чтобы вообще одни лица не могли служить объектами пользованія или распоряженія другихъ лицъ. Этотъ взглядъ, возникшій на почвѣ имущественно-гражданскаго права, не можетъ быть признанъ правильнымъ даже для гражданскаго, а тѣмъ менѣе, конечно, для публичнаго права. Достаточно вспомнить объ отношеніяхъ по государственной, военной, частной службѣ, объ отношеніяхъ семейственныхъ, объ отношеніяхъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, между тюремнымъ начальствомъ и арестантами, и т. д., и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, что есть цѣлый рядъ отношеній, въ которыхъ въ большей или меньшей степени одни лица являются объектами пользованія или распоряженія по отношенію къ другимъ.

Въ виду сказаннаго и принимая во вниманіе, что и въ отношеніи къ другимъ объектамъ наряду съ отношеніями полного, безконтрольнаго пользованія и распоряженія существуютъ также отношенія болѣе или менѣе ограниченнаго

пользованія и распоряженія, мы приходимъ къ заключенію, что если, съ одной стороны, нѣтъ основанія считать юридическими отношеніями одни только отношенія между лицами, то, съ другой стороны, нельзя также довольствоваться подраздѣленіемъ этихъ отношеній на отношенія между лицами и отношенія лицъ къ инымъ объектамъ, такъ какъ это дѣленіе само по себѣ не обладаетъ достаточной опредѣленностью.

Итакъ, разобранныя нами попытки ближайшаго анализа юридическихъ отношеній не могутъ быть признаны удачными.

2) Мы съ своей стороны считаемъ пужнымъ начать съ анализа бытовыхъ отношеній. Бытовыми отношеніями мы въ данномъ случаѣ называемъ *болѣе или менѣе сложныя спеціальныя отношенія сосуществованія* ¹⁾, устанавливаемыя частью благодаря дѣятельности самихъ членовъ общества, частью независимо отъ таковой.

Простѣйшее бытовое отношеніе представляетъ собою отношеніе даннаго субъекта къ данному объекту, которое выражается въ извѣстныхъ актахъ пользованія или распоряженія, совершаемыхъ субъектомъ надъ объектомъ. Таково, напр., отношеніе владѣльца къ вещи, на которую никто другой не заявляетъ никакихъ претензій.

Слѣдующую ступень составляетъ бытовое отношеніе, заключающееся изъ сочетанія двухъ встрѣчныхъ отношеній относительно одного и того же объекта съ двумя параллельными отношеніями между обоими заинтересованными субъектами. Таково, напр., отношеніе между двумя совладѣльцами, между предпринимателемъ и рабочимъ.

Отношенія субъектовъ къ объекту опять-таки выражаются въ извѣстныхъ актахъ пользованія или распоряженія, отношенія субъектовъ между собою въ извѣстныхъ взаимныхъ положительныхъ или отрицательныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ субъектами другъ противъ друга.

---

¹⁾ Это вѣрно подмѣчено Регельсбергеромъ въ примѣненіи къ той категоріи бытовыхъ отношеній, которая называется юридическими; ук. соч., т. I, стр. 72: die Rechtsverhältnisse sind Coexistenzverhältnisse.

Отношенія перваго рода мы назовем *коренными*, отношенія втораго рода—*вспомогательными*. Такая характеристика обѣихъ группъ отношеній оправдывается тѣмъ, что отношенія перваго рода могутъ существовать помимо отношеній втораго рода, тогда какъ обратное невысказуемо: это явствуетъ изъ того, что характеръ требованій, предъявляемыхъ въ данномъ конкретномъ случаѣ однимъ изъ субъектовъ противъ другаго, обуславливается характеромъ актовъ пользованія или распоряженія, совершаемыхъ каждымъ изъ субъектовъ по отношенію къ объекту.

Сказанное едва-ли нуждается въ поясненіяхъ, поскольку объектомъ пользованія является вещь или вообще какой-нибудь обособленный отъ личности, какъ таковой, предметъ, ибо въ такихъ случаяхъ коренныя отношенія даже съ внѣшней стороны отличимы отъ вспомогательныхъ. Возьмемъ, напр., бытовое отношеніе между двумя совладѣльцами общей вещи. Здѣсь очевидно мы имѣемъ: во-1-ыхъ, коренное отношеніе перваго къ вещи, во-2-ыхъ, встрѣчное коренное отношеніе втораго къ ней, въ-3-ихъ, вспомогательное отношеніе перваго ко второму и, въ-4-ыхъ, встрѣчное вспомогательное отношеніе втораго къ первому.

Но за-то на первый взглядъ могутъ вызвать сомнѣніе тѣ случаи, въ которыхъ объектомъ пользованія даннаго лица является другое лицо, такъ какъ здѣсь коренныя отношенія съ внѣшней стороны сливаются съ вспомогательными. Тѣмъ не менѣе мы и въ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ вышеуказанными четырьмя отношеніями. Въ этомъ легко убѣдиться, если сопоставить рядъ подобныхъ отношеній и сравнить ихъ между собою.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается сходство въ личныхъ отношеніяхъ между убійцей или грабителемъ и его жертвой, между господиномъ и рабомъ, между родителями и дѣтьми, между опекуномъ и опекаемымъ, между хозяиномъ и прислугой, между начальникомъ и подчиненными, между тюремнымъ начальствомъ и арестантами, между врачомъ и больнымъ и т. д., и т. д. ¹⁾ Сходство прежде всего заклю-

¹⁾ Мы разумѣется говоримъ исключительно о сходствѣ и различіи въ *быто-*

чается въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ одна сторона имѣетъ возможность или, по крайней мѣрѣ, считаетъ для себя возможнымъ совершать извѣстные акты пользованія или распоряженія по отношенію къ личности другой; этимъ въ большей или меньшей степени ограничивается, но во всякомъ случаѣ не вполне исключается для противной стороны возможность пользоваться или распоряжаться своей личностью, своими силами и способностями. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ двумя встрѣчными коренными отношеніями, объектомъ которыхъ служить данная личность. Вторая черта сходства заключается въ томъ, что въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ одна сторона считаетъ для себя возможнымъ пользоваться или распоряжаться личностью другой, она предъявляетъ къ ней соотвѣтствующія требованія, и, наоборотъ, поскольку противная сторона имѣетъ возможность или считаетъ для себя возможнымъ самостоятельно пользоваться и распоряжаться своей личностью, она предъявляетъ встрѣчныя требованія къ первой. Слѣдовательно, оба встрѣчныхъ коренныхъ отношенія сопровождаются параллельными вспомогательными отношеніями между заинтересованными лицами. Вся разница между разобраннымъ выше случаемъ и этимъ заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ вспомогательныя отношенія слагаются изъ однихъ *отрицательныхъ* требованій, а во второмъ—изъ *положительныхъ и отрицательныхъ*. Дѣйствительно, поскольку я желаю пользоваться, напр., какой-нибудь вещью, я требую отъ другаго, чтобы онъ не препятствовалъ мнѣ пользоваться ею. Поскольку же я желаю пользоваться или распоряжаться другимъ лицомъ, я требую его активнаго содѣйствія, его помощи.

Дальнѣйшее усложненіе получается въ томъ случаѣ, когда въ составъ бытоваго отношенія входятъ не только два субъекта, но и два объекта. Тогда намъ приходится различать въ составѣ бытоваго отношенія по два встрѣчныхъ коренныхъ отношенія къ каждому объекту и по соотвѣтствующему числу

параллельныхъ вспомогательныхъ отношеній между обоими субъектами. Сюда отнесется, напр., бытовое отношеніе, существующее между двумя совладѣльцами, владѣющими совмѣстно не одной, а двумя вещами; очевидно, мы въ данномъ случаѣ должны различать четыре коренныхъ отношенія и четыре вспомогательныхъ. Сюда же относится, напр., отношеніе, вытекающее изъ договора, въ силу котораго одно лицо взамѣнъ обученія его, положимъ, французскому языку другимъ обязуется вести конторскія книги перваго; въ такомъ случаѣ каждая сторона одновременно является и субъектомъ, и объектомъ пользованія по отношенію къ другой, при чемъ опять-таки съ внѣшней стороны возникающія въ такомъ случаѣ коренныя и вспомогательныя отношенія сливаются.

Намъ нѣтъ нужды продолжать нашъ анализъ бытовыхъ отношеній въ началомъ нами направленіи. И безъ того ясно, что по мѣрѣ увеличенія числа субъектовъ и объектовъ пользованія получаютъ все болѣе и болѣе сложныя формы бытовыхъ отношеній, слагающіяся изъ разнообразныхъ сочетаній прогрессивно возрастающаго числа встрѣчныхъ коренныхъ и вспомогательныхъ отношеній.

Есть однако еще одна сторона вопроса, на которой намъ необходимо остановиться. Чтобы перейти къ ней, мы возьмемъ случай, близко подходящій къ только-что разобранному нами. Возможно, что объектомъ отношенія является одновременно лицо и какой-нибудь иной предметъ. Такой характеръ имѣетъ, напр., отношеніе, вытекающее изъ договора поклада. Здѣсь мы имѣемъ два коренныхъ отношенія въ лицѣ депонента: отношеніе къ депозитарію и объекту поклада, и два встрѣчныхъ коренныхъ отношенія депозитарія къ депоненту и объекту поклада, и соответствующее число вспомогательныхъ отношеній, которыя слагаются изъ двойнаго ряда положительныхъ и отрицательныхъ требованій съ каждой стороны; взаимныя требованія имѣютъ положительный характеръ, поскольку объектомъ является лицо, и отрицательный, поскольку объектомъ является вещь. Особенность по сравненію съ вышеразобранными случаями заключается въ томъ, что отношеніе депозитарія къ вещи уже само по себѣ представляетъ самостоятель-

ное бытовое отношеніе. Это бытовое отношеніе составляетъ въ данномъ случаѣ объектъ другаго болѣе сложнаго бытоваго отношенія. Итакъ, объектами однихъ бытовыхъ отношеній могутъ быть другія бытовыя отношенія. Но это не все. Дѣло въ томъ, что вообще элементами бытовыхъ отношеній могутъ быть не только отдѣльныя, самостоятельныя по отношенію другъ къ другу лица и блага, но также совокупности лицъ или совокупность благъ, а также разнообразныя сочетанія тѣхъ и другихъ, съ той или иной точки зрѣнія представляющія собою одно цѣлое, какъ, напр., акціонерная компанія, городъ, фискъ, разнаго рода имущественные комплексы, составляющіе одно хозяйственное цѣлое, и т. д. Это объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, не только функція пользованія можетъ быть отдѣлена отъ функціи распоряженія, но и отдѣльные элементы распоряженія (управленіе, распоряженіе въ тѣсномъ смыслѣ, контроль), которые при болѣе простыхъ условіяхъ сосредоточены въ одномъ лицѣ, могутъ быть распределены между цѣлымъ рядомъ лицъ, — и тѣмъ, что, съ другой стороны, возможно одновременное установленіе *однородныхъ* коренныхъ отношеній къ цѣлому ряду объектовъ заразъ.

Отсюда явствуетъ, что возрастающая сложность бытовыхъ отношеній зависитъ не только отъ количества субъектовъ и объектовъ пользованія, но также отъ характера организаціи первыхъ и отъ степени сложности вторыхъ. Отсюда же явствуетъ, что, то, что съ одной стороны, можетъ быть разсматриваемо какъ болѣе или менѣе сложное самостоятельное бытовое отношеніе (напр., государство съ точки зрѣнія государственнаго права), съ другой точки зрѣнія можетъ представляться однимъ изъ элементовъ еще болѣе сложнаго бытоваго отношенія (напр., то же государство съ точки зрѣнія международнаго права).

На этомъ мы можемъ пока остановиться. Общій выводъ, добытый нами путемъ анализа бытовыхъ отношеній, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. *Всякое бытовое отношеніе* (независимо отъ большей или меньшей сложности составныхъ его элементовъ и независимо отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ при помощи его) *есть или простое коренное от-*

ношеніе субъекта къ объекту, или извѣстное сочетаніе большаго или меньшаго числа встрѣчныхъ коренныхъ отношеній съ соотвѣствующимъ числомъ параллельныхъ вспомогательныхъ отношеній.

3) Теперь попытаемся примѣнить сказанное нами о бытовыхъ отношеніяхъ къ отношеніямъ юридическимъ.

Такъ какъ всякое юридическое отношеніе есть лишь особо квалифицированное бытовое отношеніе, то, очевидно, и всякое юридическое отношеніе представляетъ собою либо одно коренное отношеніе субъекта къ объекту, либо извѣстное сочетаніе нѣсколькихъ встрѣчныхъ коренныхъ отношеній съ соотвѣствующимъ числомъ вспомогательныхъ отношеній, при чемъ одни изъ такихъ сочетаній формально признаются общественно-цѣлесообразными, другія—общественно-вредными.

Мы останавливаемся специально на первыхъ, которыя мы назовемъ юридическими отношеніями въ тѣсномъ смыслѣ, и попытаемся установить отличительныя особенности ихъ.

Интересующій насъ вопросъ можетъ быть сформулированъ такимъ образомъ: какимъ условіямъ должны удовлетворять встрѣчныя коренныя отношенія, съ одной стороны, и параллельныя вспомогательныя отношенія, съ другой, чтобы они въ формальномъ смыслѣ были признаны общественно-цѣлесообразными?

а) Разсмотримъ сначала коренныя отношенія. Какимъ условіямъ должны они удовлетворять, чтобы они въ формальномъ смыслѣ были признаны общественно-цѣлесообразными? Не трудно видѣть, что такое признаніе обуславливается, съ одной стороны, характеромъ и объемомъ актовъ пользованія или распоряженія, совершаемыхъ субъектомъ надъ объектомъ, съ другой стороны—возможностью безпрепятственнаго совершенія этихъ актовъ. Послѣдній моментъ въ свою очередь предполагаетъ, чтобы въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ за даннымъ лицомъ признается право совершенія тѣхъ или иныхъ актовъ пользованія или распоряженія, была вмѣстѣ съ тѣмъ признана односторонняя зависимость объекта отъ субъекта.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Всюду, гдѣ и поскольку данное отношеніе субъекта къ объекту признается общественно-

цѣлесообразнымъ, тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ соответствующихъ предѣлахъ признается и односторонняя зависимость субъекта отъ объекта, которая выражается въ томъ, что за другими заинтересованными лицами признается обязанность не препятствовать законнымъ актамъ пользования и распоряженія субъекта, а подчиняться имъ.

Съ этой точки зрѣнія всякое коренное отношеніе субъекта къ объекту, поскольку оно признается общественно-цѣлесообразнымъ, можетъ быть характеризовано какъ *состояніе* (полной или ограниченной по объему) *односторонней зависимости объекта отъ субъекта*, выражающееся въ признаніи за лицомъ возможности безпрепятственного совершенія извѣстныхъ актовъ пользования или распоряженія надъ объектомъ. *Mutatis mutandis* это относится, конечно, и къ встрѣчнымъ кореннымъ отношеніямъ, изъ которыхъ каждое въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно признается общественно-цѣлесообразнымъ, можетъ быть характеризовано, какъ состояніе ограниченной въ объемѣ встрѣчнымъ отношеніемъ односторонней зависимости объекта отъ субъекта.

Необходимо однако имѣть въ виду, что это положеніе само по себѣ выражаетъ собою не болѣе какъ *постулатъ*. Послѣдовательное проведеніе его въ жизнь зависитъ отъ цѣлаго ряда условій и представляется тѣмъ труднѣе, чѣмъ скорѣе возможно активное и въ особенности сознательное воздѣйствіе со стороны объекта. Его въ общемъ легче провести въ жизнь тамъ, гдѣ объектами пользования являются вещи или вообще обособленные отъ личности, какъ таковой, предметы, и труднѣе тамъ, гдѣ объектами пользования являются лица. Въ послѣднемъ случаѣ успѣхъ зависитъ, во-1-хъ, отъ степени сознательнаго отношенія подчиненнаго лица къ своимъ обязанностямъ и, во-2-хъ, отъ характера самаго отношенія, ближе отъ того, является ли оно лишь въ формальномъ смыслѣ общественно-цѣлесообразнымъ, или также по существу.

б) Теперь обратимся къ вспомогательнымъ отношеніямъ. Чему должны они удовлетворять, чтобы они въ формальномъ смыслѣ были признаны общественно-цѣлесообразными? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ того соображе-

нія, что современное право въ принципѣ не допускаетъ отношеній полной и безконтрольной зависимости одного лица отъ другаго, полного порабощенія личности.

Отсюда явствуетъ, что всякое вспомогательное отношеніе для того, чтобы оно было признано общественно-цѣлесообразнымъ, должно слагаться изъ *взаимныхъ* требованій и соотвѣтствующихъ обязанностей обѣихъ сторонъ. Съ этой точки зрѣнія вспомогательныя отношенія, поскольку они признаются общественно-цѣлесообразными, могутъ быть характеризованы, какъ *состоянія взаимной зависимости* между двумя или нѣсколькими лицами, выражающіяся въ встрѣчныхъ требованіяхъ и соотвѣтствующихъ обязанностяхъ.

Въ связи съ этимъ необходимо замѣтить еще слѣдующее. Такъ какъ содержаніе всякаго требованія зависитъ отъ характера кореннаго отношенія субъекта къ объекту и такъ какъ безъ объективной провѣрки этого кореннаго отношенія нельзя впередъ сказать, является ли данное требованіе основательнымъ или нѣтъ, то приходится дѣлать различіе между *требованіями въ формальномъ и матеріальномъ смыслѣ*. Формальнымъ является всякое требованіе, предъявленное однимъ лицомъ къ другому, матеріальнымъ—требованіе, основанное на извѣстномъ, признанномъ общественно-цѣлесообразнымъ, коренномъ отношеніи.

Въ заключеніе остается сказать, что установленное выше положеніе, регулирующее вспомогательныя отношенія между лицами, само по себѣ тоже представляетъ не болѣе, какъ *постулатъ*. Послѣдовательное проведеніе его въ жизнь зависитъ главнымъ образомъ отъ трехъ условій: во-1-хъ, отъ степени сознательнаго отношенія заинтересованныхъ лицъ къ ихъ правамъ и обязанностямъ, во-2-хъ, отъ надлежащей постановки судебной власти, въ особенности ея независимости, и, въ-3-хъ, отъ предоставленія заинтересованнымъ лицамъ *права судебного разбора* всякаго возникшаго между ними спора.

На этомъ мы можемъ остановиться. Но прежде, чѣмъ подвести итоги, мы считаемъ нужнымъ устранить еще одно, не лишнее значенія, недоразумѣніе.

Въ доктринѣ гражданскаго права до сихъ поръ держится

дѣленіе обязательствъ на одностороннія и двустороннія. Первые, какъ, напр., заемъ или дареніе, характеризуются будтобы тѣмъ, что при нихъ всѣ требованія сосредоточены въ лицѣ кредитора, а должникъ несетъ одиѣ только обязанности; имъ противопологаются обязательства двустороннія, какъ, напр., купля-продажа, наемъ, товарищество и т. д., при которыхъ пріобрѣтеніе правъ неразрывно связано съ принятіемъ лицомъ на себя извѣстныхъ обязанностей. Не трудно, однако, убѣдиться, что это дѣленіе въ такой абсолютной формѣ невѣрно, притомъ не только въ формальномъ, но и въ матеріальномъ смыслѣ. Дѣйствительно, никоимъ образомъ нельзя утверждать, что, напр., кредиторъ по займу или одаренный какъ таковой не несетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ должнику по займу или дарителю. Помимо чисто отрицательныхъ обязанностей такихъ лицъ, какъ, напр., той, что они не должны требовать исполненія въ ненадлежащее время или въ ненадлежащемъ мѣстѣ, на нихъ возлагаются и совершенно опредѣленные положительныя обязанности; такъ, кредиторъ обязанъ принять уплату отъ должника, даже если тотъ произведетъ ее до срока, онъ по общему правилу обязанъ довольствоваться полученіемъ уплаты отъ третьихъ лицъ, заступающихъ за должника, въ его лицѣ возможна просрочка и т. д. Словомъ, и въ этихъ случаяхъ даже въ матеріальномъ смыслѣ возникаетъ взаимная зависимость между сторонами. Если на это обыкновенно не обращаютъ вниманія, то подобный недосмотръ объясняется тѣмъ, что многіе элементы взаимной зависимости, признаваемой въ данномъ конкретномъ случаѣ между данными лицами, *общи* всѣмъ или большинству обязательственныхъ отношеній и при изученіи отдѣльныхъ отношеній, при которомъ обращается вниманіе только на специфическія особенности ихъ, оставляются въ сторонѣ.

4) Подведемъ итоги. Мы видѣли, что юридическія отношенія не представляютъ собою ни продукта субъективнаго, ни продукта объективнаго права. Юридическія отношенія въ широкомъ смыслѣ суть формально признанныя общественно-цѣлесообразными или общественно-вредными и соотвѣтственно съ этимъ регулированныя при помощи юридическихъ нормъ быто-

выя отношенія. Ближе, всякое юридическое отношеніе представляеть собою либо одно коренное отношеніе субъекта къ объекту пользованія, либо извѣстное сочетаніе нѣсколькихъ встрѣчныхъ коренныхъ отношеній съ соотвѣтствующимъ числомъ вспомогательныхъ отношеній. Отношенія перваго рода выражаются въ извѣстныхъ актахъ пользованія или распоряженія, совершаемыхъ субъектомъ надъ объектомъ; отношенія втораго рода—въ извѣстныхъ встрѣчныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ заинтересованными субъектами другъ противъ друга.

Юридическія отношенія въ тѣсномъ смыслѣ суть формально признанныя общественно-цѣлесообразными бытовыя отношенія.

Ближайшая расцѣпка съ этой точки зрѣнія отдѣльныхъ конкретныхъ отношеній зависитъ отъ того, въ какихъ предѣлахъ допускается зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. Современное право въ этомъ отношеніи выставляетъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, два постулата: во-1-хъ, не должно быть допускаемо ни полное, ни безконтрольное подчиненіе однихъ лицъ другимъ; во-2-хъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ данное коренное отношеніе признается общественно-цѣлесообразнымъ, субъекту отношенія должно быть гарантировано безпрепятственное совершеніе соотвѣтствующихъ актовъ пользованія или распоряженія. Это достигается формальнымъ признаніемъ слѣдующихъ двухъ началъ: всякое коренное отношеніе, поскольку оно представляется общественно-цѣлесообразнымъ, должно быть разсматриваемо какъ отношеніе односторонней зависимости объекта отъ субъекта, всякое вспомогательное отношеніе какъ отношеніе взаимной зависимости между заинтересованными лицами.

Послѣ всего сказаннаго намъ не трудно будетъ опредѣлить и истинное значеніе подраздѣленія юридическихъ отношеній на отношенія между лицами и отношенія лицъ къ инымъ предметамъ. Легко убѣдиться, что оно нуждается въ весьма существенной поправкѣ, а именно, оно должно быть дополнено. Это явствуетъ изъ того, что, какъ мы раньше видѣли, объектами бытовыхъ отношеній могутъ быть или лица, или иные предметы, или одновременно лица и другіе предметы въ томъ или

иномъ сочетаніи. Отсюда слѣдуетъ, что и юридическія отношенія по объекту должны быть разбиты не на двѣ, а на три группы: на отношенія, объектами которыхъ являются лица, отношенія, объектами которыхъ являются иные предметы, и отношенія, объектами которыхъ являются одновременно лица и иные предметы въ разныхъ сочетаніяхъ.

Засимъ, что касается практическаго значенія этого дѣленія, то оно сводится къ тому, что поскольку объектомъ пользованія является лицо, или иначе, поскольку данный актъ пользованія или распоряженія касается личности, недостаточно пассивное воздержаніе, а необходимо активное участіе, активное содѣйствіе подчиненнаго лица, тогда какъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ объектомъ пользованія является иной предметъ, отъ третьихъ заинтересованныхъ лицъ требуется только непротивленіе. Это обстоятельство оказываетъ вліяніе на содержаніе соотвѣтствующихъ вспомогательныхъ отношеній въ томъ смыслѣ, что поскольку объектомъ кореннаго отношенія является лицо, противная сторона можетъ требовать отъ него опредѣленной активной дѣятельности, опредѣленныхъ положительныхъ дѣйствій. Иначе говоря, поскольку объектомъ кореннаго отношенія является лицо, оно несетъ *активныя обязанности*, поскольку же объектомъ является вещь или вообще обособленный отъ личности предметъ, третьи лица несутъ только *отрицательныя обязанности*.

5) Заканчивая этимъ настоящую часть нашихъ разсужденій, мы въ заключеніе считаемъ нужнымъ остановиться еще на двухъ возможныхъ возраженіяхъ противъ нашего взгляда на юридическое отношеніе, которыя впрочемъ при ближайшемъ анализѣ сводятся къ одному.

Первое возраженіе вытекаетъ изъ общепризнаннаго въ настоящее время взгляда, будто въ извѣстныхъ случаяхъ (объединяемыхъ Герингомъ подъ общимъ именемъ пассивныхъ дѣйствій правъ) возможно существованіе обязанностей при отсутствіи корреспондирующихъ имъ правъ.

Второе возраженіе вытекаетъ изъ столь же общепринятаго взгляда, что обязательственныя права, по крайней мѣрѣ поскольку они состоятъ въ доставленіи какого-нибудь объекта въ

будущемъ, сами по себѣ суть права требованія, а не права пользованія и распоряженія.

Оба возраженія сводятся къ утвержденію, что вспомогательныя отношенія могутъ существовать независимо отъ коренныхъ отношеній. Не трудно убѣдиться въ ложности подобнаго взгляда.

Что касается перваго возраженія, то оно опровергается простымъ констатированіемъ того факта, что не всякое коренное отношеніе субъекта къ объекту носитъ спеціальное техническое названіе. Было бы однако совершенно неправильно думать, что видъ коренныхъ отношеній, носящихъ спеціальное названіе, не признается никакихъ другихъ. Возьмемъ, напр., ученіе римскаго права объ *hereditas iabens*. Пока наследникъ не изъявилъ желанія принять наследство, не существуетъ того кореннаго отношенія, которое мы называемъ *правомъ наследованія in concreto*. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не признавалось никакого кореннаго отношенія презумптивнаго наследника къ наследственной массѣ: оно лишь не носитъ спеціальнаго названія, такъ какъ имѣетъ временный, переходящій характеръ. Но что оно существуетъ, это явствуетъ какъ изъ возможности отказа отъ принятія наследства, такъ и изъ института трансмиссій. Только благодаря этому и возможно возникновеніе т. н. обязанностей по отношенію къ наследственной массѣ со стороны третьихъ лицъ. Правда имъ не соотвѣтствуютъ прямыя требованія въ лицѣ презумптивнаго наследника противъ этихъ лицъ. Но это потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ однимъ кореннымъ отношеніемъ, а съ рядомъ ихъ. Вотъ они: коренное отношеніе презумптивнаго наследника къ наследственной массѣ, коренное отношеніе къ ней *curator bonorum*, коренное отношеніе къ послѣднему органу, назначающихъ его и контролирующихъ его дѣятельность, коренное отношеніе презумптивнаго наследника къ этимъ органамъ. Имъ корреспондируютъ соотвѣтствующія обязанности. Третьи лица, посягающія на наследственную массу, несутъ обязанности передъ *curator bonorum*, тотъ въ свою очередь передъ контролирующими его органами, послѣдніе передъ презумптивнымъ наследникомъ. Такимъ образомъ кажущаяся аномалія вполне устраняется.

Что касается втораго возраженія, то оно покоится на ложномъ предположеніи, будто всякое коренное отношеніе пользования и распоряженія непременно должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніемъ пространственной близости, такъ что разнѣтъ отношенія пространственной близости между субъектомъ и объектомъ, то немислимо и никакое коренное отношеніе между ними. Но изъ того, что нѣкоторыя формы пользования возможны только въ томъ предположеніи, что данное коренное отношеніе субъекта къ объекту есть вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе пространственной близости, не слѣдуетъ, чтобы не могли существовать никакія другія формы пользования (напр., пользованіе плодами, доходомъ), а тѣмъ болѣе формы распоряженія, хотя-бы онѣ опять-таки и не носили спеціальнаго техническаго названія. Разъ мы увидели себѣ это, то уже не трудно убѣдиться въ томъ, что и въ обязательственныхъ отношеніяхъ взаимныя требованія сторонъ возникаютъ потому, что одновременно возникли встречныя коренныя отношенія между заинтересованными лицами. Это такъ ясно, что мы считаемъ излишнимъ всякія дальнѣйшія поясненія и ограничиваемся простой ссылкой на институты цессіи и отказа отъ обязательственнаго права.

(окончаніе слѣдущаго).